

© 2000 г.

Н. Симония,
академик РАН,
академик-секретарь Отделения
международных отношений РАН

О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ: ЗАПАД VS. НЕЗАПАДНЫЕ МОДЕЛИ

Размышляя о роли государства в социально-экономическом развитии, лишний раз убеждаюсь в том, как опрометчиво многие наши ученые отказались от концепции формационного развития человеческих обществ. Ведь на разных исторических этапах развития данного общества акцент перемещался с одних функций государства на другие, возникали новые функции. Даже беглый исторический обзор роли и функций государства в развитии основных стран Запада показывает, как возникновение и видоизменение этих функций в социально-экономическом развитии происходило по мере перехода от одной фазы капитализма к другой. Вспомним, например, что на заре капитализма главной функцией государства было обеспечение и фактическая реализация процесса “первоначального накопления”, т.е. создание главной предпосылки будущего капиталистического развития. На ранней фазе капитализма государство выступало силовым и правовым арбитром в разрешении двух главных общественных противоречий: а) противоречия между отмирающим феодальным укладом и формирующимся капитализмом и б) обостряющегося противоречия между трудом и капиталом.

Выполнив в основном эти функции, обеспечив социальный консенсус и утвердив “правила игры”, государство на фазе полного развития частнохозяйственного капитализма стало “усыхать”. Окрепнув, буржуазия стала требовать “дешевого” и “маленького” государства. Но зарождение монополистического уклада вновь поставило в повестку дня “большое государство” для разрешения усложнившихся общественных противоречий. Монополии нарушили “правила игры” и стали подрывать социальный консенсус. Потребовалась активизация и расширение аппарата и функций государства (антитрестовские законы, перераспределение активов, популистские акции, поддержка мелкого предпринимательства и т.д.). Кризис 30-х годов и торжество кейнсианства еще больше стимулировали рост государства, расширение его функций (регулирование рынка и других сфер финансово-экономической деятельности, возникновение функций социального обеспечения – общественное здравоохранение, трансферты, пенсии и др.).

В настоящее время страны Запада вступили в новый этап своего развития – этап возникновения первых элементов и формирования нового уклада будущего “информационного общества”. Некоторые на Западе называют это явление “четвертой промышленной революцией”, что довольно неточно и вводит в заблуждение относительно подлинной сути происходящего, так как создает впечатление, будто речь идет об очередном сдвиге в рамках самой индустриальной парадигмы капиталистического развития. Конечно, информационно-технологическая революция будет вызывать и уже приводит к перевороту во всей существующей системе общественного производства (прежде всего это заметно в более динамичных финансовой и торговой сферах, где масштабы уже осуществленных инвестиций в основной капитал неизмеримо меньше в сравнении с промышленным сектором). Но принципиальное отличие информационно-технологической революции и возникающего на ее основе уклада заключается в том, что в центр общественного развития теперь становится не физический, а интеллектуальный капитал, не машины, оборудование, фабрики и т.п., а мыслительная продукция – идеи, информация и т.д.

Таким образом, **многоукладность современного западного общественного организма существенно усиливается, что ведет, в свою очередь, к расширению и усложнению функций государства.** При этом картина усложняется тем, что революция информационных технологий на порядок или два ускоряет процессы глобализации, которые прежде всего распространяются на самые развитые индустриальные государства.

С другой стороны, в современном мире по-прежнему сохраняется значительная неравномерность в развитии отдельных обществ и, стало быть, набор и приоритетность функций государства у различных обществ будут неодинаковыми. Данное обстоятельство на протяжении всех послевоенных десятилетий и в значительной мере до сих пор полностью игнорируется широкими кругами научной и политической общественности на Западе. Отмечая усиление процессов глобализации и игнорируя реалии незападных стран, они усиленно пропагандируют тезис о сужении и ослаблении роли национального государства, которое-де быстро сдает позиции перед победоносным и преимущественно благотворным шествием глобализации. Этот весьма сомнительный тезис был широко подхвачен средствами массовой информации. Одним словом, на развивающиеся страны и страны с переходной экономикой оказывается мощное “научно-теоретическое”, государственно-дипломатическое и психологическое давление, побуждающее их к более быстрому и масштабному осуществлению политики дерегулирования и максимальной открытости своих экономик.

И вот, наконец, под давлением очевидных фактов из опыта некоторых восточноазиатских государств и побуждаемый также несогласием

Японии с общераспространенной точкой зрения о путях развития догоняющих стран, летом 1997 г. Мировой банк опубликовал очередной Доклад о мировом развитии, специально посвященный роли государства в мировом развитии¹. В западной прессе это событие вызвало некоторое оживление: ведь МБРР, на протяжении не одного десятилетия прилагавший невероятные усилия, чтобы убедить всех в ненужности и даже особой вредности вмешательства государства в экономическое развитие, теперь пишет о важности государства и выступает против чрезмерной “минимизации” роли государства! Но подлинной сенсации все же не получилось. И не удивительно. Вынужденный отступить под напором исторических и современных фактов, МБРР все же не сдал своих позиций окончательно. Несколько фраз в Предисловии и вступительном обзоре Доклада о том, что развитие требует наличия эффективного государства и что, если стратегия развития с “доминирующей ролью государства” потерпела поражение, то к аналогичному результату пришла и другая крайность – “безгосударственное развитие”², не делают погоды, и в дальнейшем на протяжении более чем 250-тистраничного Доклада авторы сконцентрировали свои усилия на одном – убедить читателя, что государство должно играть лишь вспомогательную роль, оно не должно непосредственно вмешиваться в процессы реального производства, его финансирования и т.п.

На мой взгляд, главный недостаток Доклада заключается в отсутствии исторического и типологического подходов к роли государства. Исторически ненаучно пытаться предлагать какой-то универсальный набор “полезных” (с точки зрения развития) функций государства. Но именно это делают авторы Доклада в своем неизменном стремлении навязать развивающимся странам и новым переходным государствам западную модель развития. А чтобы обойти вопрос об оценке неудобного для авторов Доклада опыта “азиатской модели”, чтобы принизить его значение, эти авторы прибегают к очень простому приему: сказав общие слова об успехе “азиатской модели”, они не дают ее цельного анализа, ограничиваясь разбросанными по всей книге отрывочными сведениями и фактами, касающимися отдельных аспектов развития стран Восточной Азии, причем приводимыми вперемежку с данными по другим странам мира. В итоге, с одной стороны, читатель остается в полном неведении относительно сути и специфики “азиатской модели”, а с другой – ему исподволь внушается мысль об отсутствии этой самой специфики³. Состав-

¹ “World Development Report. 1997. The State in a changing World” (World Bank), Oxford University Press, Oxford, N.Y., etc., 1997.

² Там же, стр. III, 1.

³ Впрочем, кое-где мысль формулируется и в довольно откровенной форме. Вот наглядный пример на стр. 83: “Успешные экономики Восточной Азии применяют

вителям Доклада не повезло. Они завершили свой “перестроечный” труд до того, как разразился кризис в Восточной и Юго-Восточной Азии. Сейчас они вряд ли стали бы так сильно подчеркивать сходство “азиатской” и “западной” моделей. К тому же они смогли бы воспользоваться теми критическими “аргументами” против “азиатской модели”, которые выдвигаются сегодня на Западе.

Среди немногих изданий на Западе, которые последовательно и на протяжении многих лет развенчивали идею ослабления национального государства, безусловно, выделяется английский журнал “Экономист”. В прошлом году, вслед за Докладом МБРР, этот журнал посвятил специальный обзор роли государства в экономическом развитии¹. Вот некоторые любопытные данные, приводимые названными изданиями.

На протяжении последнего столетия масштабы государственного управления, особенно в индустриальных странах, необычайно расширились. Общие расходы государств, входящих ныне в группу ОЭСР, составляли в среднем в 1870 г. примерно 8% ВВП, к 1913 г. они увеличились всего на 1%. Но уже после Первой мировой войны достигли приблизительно 15%. В послекризисном 1937 г. этот показатель превысил 21%. К 1960 г., казалось, наступила стабилизация: государственные расходы составили всего 18% ВВП. Но это была иллюзия. Именно между 60-ми и 80-ми годами, отмеченными расширением мировой торговли и финансов, начался интенсивный рост активности государства. Его расходы в 1980 г. составили 43-44% ВВП. Эта тенденция продолжалась и в течение 80-х годов, когда “бриз” глобализации перешел в “сильный ветер” (46% в 1990 г.) и между 1990 и 1996 годами, когда “сильный ветер” превратился в “шторм” (48 – 49% ВВП в 1995 г.). Невольно напрашивается мысль, что слухи о кончине “большого правительства” (по выражению “Экономиста”) слишком преувеличены, чтобы не сказать – абсолютно неверны. Интересно, что эти слухи были в основном (хотя и не только) адресованы именно развивающимся странам (РС), соответствующие показатели которых выглядят более скромно. В 1960 г. общие расходы государства в РС были на уровне примерно 15% ВВП, в 1980 г. – уже более 26%, но в 1990 г. – 27%².

В итоге “Экономист” приходит к выводу: “В некоторых экономических аспектах – таких, как удельный вес иностранного капитала во внутренних инвестициях; соотношение внешних инвестиций с национальным продуктом; соотношение масштабов миграции с численностью населения – мир до 1914 г. был более тесно интегрирован, чем сейчас, в некото-

---

процедурные подходы к выработке (экономической) политики, заимствуя некоторые ключевые аспекты у индустриальных стран”.

¹ “A Survey of the World Economy. The Future of the State”. In: “The Economist”, September 20th, 1997, pp. 5-56.

² “World Development Report. 1997”, p. 2; “A Survey of the World Economy ...”, p. 8.

рых случаях намного больше”. Даже региональные объединения преследуют цели не столько интеграции, сколько усиления государства. “... Правительства объединяют власть, чтобы сохранить и усилить ее”. “До сих пор свобода действий государств едва затронута глобальным рынком”¹. Разумеется, либеральный “Экономист” озабочен судьбой не развивающихся или переходных государств, а капитализма в самих развитых странах. Он обеспокоен тем, что демократия, какой она существует сегодня в этих странах, способствует разрастанию государства, отвоевыванию им все большего экономического пространства у частнохозяйственного либерального капитализма. Развитие этой тенденции может поставить “капитализм в тяжелые и ограниченные условия, что приведет к его исчезновению, наряду со свободой”².

Итак, если на Западе роль и функции государства в социально-экономическом развитии обществ видоизменялись естественно-историческим путем, вместе с переходом капитализма от одной фазы к другой, то в развивающихся странах дело обстояло иначе. После первого постколониального этапа – этапа национально-государственного строительства, главной общей функцией государства стала выработка и реализация стратегии “догоняющего развития”. Т.е. речь здесь идет не об обычном экономическом развитии, а о таком, в ходе которого неизбежно сокращение (неполное прохождение) и наложение друг на друга различных фаз (или аспектов фаз) капитализма. Соответственно этому и необычайно возрастает роль государства, видоизменяются (гипертрофируются, дистрофируются и т.п.) различные его функции. Во многих РС государству приходится выполнять функции формирования “сверху” структур индустриального общества, непосредственной организации процесса производства целых новых отраслей промышленности, жесткого контроля за распределением финансовых (кредитных) потоков, экспортной ориентации производства в гибком сочетании с импортозамещением и протекционизмом. Вместе с тем, государству приходится выполнять и весьма непопулярную традиционную (и для стран Запада на ступени ранней индустриализации) функцию “дисциплинирования” рабочего класса (подчас весьма жестокого подавления его сопротивления), обеспечения таким образом дешевизны рабочей силы для национальной промышленности и привлечения иностранных инвестиций. Более того, национальному государству приходится противостоять настойчивым попыткам западных конкурентов в рамках МОН, ВТО и других международных институтов навязать РС свои критерии и нормы трудового законодательства, выработанные с учетом исторических социально-экономических достижений высокоразвитых стран Запада. Правитель-

¹ “A Survey of the World Economy ...”, p.41, 42.

² Там же, стр. 6, 13, 55.

ства РС справедливо указывают на то, что принятие этих норм и критериев лишило бы РС тех немногих преимуществ, которые дает им фактор дешевой рабочей силы.

Опыт ряда азиатских государств свидетельствует, что именно государство сыграло решающую роль в формировании структур бюрократического государственно-монополистического капитализма, что позволило таким странам в сжатые исторические сроки перенять у высокоразвитых стран достижения НТР и завершить процессы индустриализации. Но в связи с недавним финансовым кризисом в странах Восточной и Юго-Восточной Азии эти успехи были быстро забыты, и зачастую на Западе (а иногда и у нас) стали говорить о том, что “азиатская модель” изначально была порочной. Опять конъюнктурные политические соображения берут верх над трезвым научным подходом. “Азиатская модель” выполнила свою историческую задачу “догоняющего развития” в рамках индустриальной парадигмы и выполнила ее успешно (поэтому и писали не одно десятилетие о “чуде”). Диалектика же в данном случае заключается в том, что именно благодаря этому успеху она теперь исчерпала себя и требует замены на новую модель социально-экономического развития, которая отвечала бы новой задаче *постиндустриального развития*. Отсюда и кризис, но не только финансовый (что является лишь внешним, видимым проявлением), а общий структурный. От государства требуется не только выработка новой экономической политики и новой модели развития, но *самоперестройка*, т.е. государственно-административная реформа, освоение новых функций и новых приемов, т.к. иначе новая фаза “догоняющего развития”, теперь уже в рамках информационно-технологической парадигмы, просто не состоится. Иными словами, роль государства в развитии таких стран несколько не ослабеет, она даже усилится, но станет более сложной и утонченной.

В связи со всем сказанным несколько странно выглядят рассуждения западных экспертов о том, что чуть ли не единственной панацеей для РС является глобализация. Надо якобы только самозабвенно отдаться ей, и национальные государства не должны мешать этому. Даже авторы цитированного уже Обзора в журнале “Экономист” заняли по этому вопросу хотя и своеобразную, но по существу аналогичную позицию. Они утверждают, что позитивный эффект глобализации для развитых стран сильно преувеличен, но что касается бедных РС, то тут дело, по их мнению, обстоит, несомненно, иначе: “Международная интеграция для них – это быстрый выход из состояния нищеты. Обладая небольшим внутренним рынком, отсталой технологией и неадекватным капиталом, третьемировские страны выиграют все, избавившись от относительной изоляции и развивая тесные экономические связи с остальным миром”¹.

¹ “A Survey of the World Economy ...”, p. 6

Но вот более трезвое и взвешенное мнение известного публициста У.Пфаффа. Он справедливо упрекает апологетов глобализации в том, что они игнорируют тот ущерб, то “созидательное разрушение”, к которому она может привести и приводит в некоторых РС: “В результате это дерегулирование не только ликвидирует тарифы, оберегающие местных производителей и местные рынки, но и ввергает производителей малых стран в конкуренцию, в которой они зачастую не способны выстоять, и разрушает способность правительств этих стран регулировать собственную экономику, не говоря уже о фискальной системе”¹.

И действительно, в условиях, когда главные центры современных технологий, подавляющей части ТНК и ТНБ концентрируются в развитых капиталистических странах, когда в них уже формируется информационно-технологический уклад, РС смогут пуститься в плавание по бурному “морю” глобализации лишь под эгидой сильного и эффективного национального государства. Только оно способно выполнить двуединую задачу: способствовать максимально возможному заимствованию у Запада передовой технологии и уберечь национальную экономику от наиболее губельных последствий глобализации. Альтернативой является такое участие в процессе глобализации, которое приведет к сохранению и углублению неокOLONиального разделения труда между отсталым “Югом” и развитым “Севером”, хотя и на более высоком, чем прежде, уровне (в рамках постиндустриальной vs. индустриальной парадигм). В порыве либеральной эйфории и “всеобщей любви” к частной предприимчивости мы как-то забыли, что капитализм – даже глобализирующийся – в общем-то, довольно жесткая и суровая вещь. В самом деле, если глобализация не способствовала улучшению положения бедных в самых развитых капиталистических странах (а я имел возможность воочию убедиться, что за последние 15-18 лет ситуация, например, в США или Англии даже заметно ухудшилась), то почему мы должны ожидать от нее какого-то альтруистического и снисходительного отношения к народам РС?

Сказанное выше о РС во многом относится и к современной ситуации в России. Однако здесь есть и существенные национальные особенности. Но прежде чем говорить об этом, хотелось бы сделать кратенький исторический экскурс. Дело в том, что Россия изначально (еще до революции 1917 г.) принадлежала к вторичной группе догоняющего развития (наряду с Германией, Италией, Японией и др., начавшими свое ускоренное капиталистическое развитие со второй половины XIX в.). Любопытно, что, анализируя ситуацию в России после крестьянской реформы 1861 г., Ф.Энгельс отмечал, в частности, что царскому правительству пришлось приняться за “выращивание класса русских капиталистов”². Но еще важнее то, что с конца XIX в., вследствие резкого, скачкообраз-

¹ “International Herald Tribune”, September 25, 1997.

² К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т. 22, стр. 40-41.

ного ускорения буржуазного общественного переворота, в России началось формирование государственно-монополистического уклада. Как по генезису, так и по структуре он существенно отличался от “классического” западного ГМК. Во-первых, в российском случае государство появилось на сцене не на заключительной фазе монополизации, а выступило инициатором и главным участником этого процесса. Во-вторых, в формировании ГМК основными субъектами выступали представители иностранного капитала, царского двора, высшей бюрократии и кучка нуворишей. Этот реакционный аристократическо-бюрократический монополистический капитал присваивал себе все плоды буржуазной модернизации и препятствовал широкому развитию массового демократического капитализма. Поэтому-то я и характеризую такой вариант ГМК как “небоскрежный”. В отличие от классического “пирамидального” варианта развития капитализма, при котором ГМК представляет собой как бы верхушку этой “пирамиды”, покоящуюся на широком, складывающемся не один век, основании частнохозяйственного капитализма и мелкотоварного сектора, “небоскрежный” ГМК не имеет какой-либо солидной социальной “подпочвы”, что и предопределяло шаткость возведенного здания и ту легкость, с которой его опрокинула революция 1917 г.¹

Между прочим, тенденция “небоскрежного” варианта бюрократического ГМК отчетливо прослеживается и в современной России, и в случае ее окончательного утверждения ситуация будет чревата серьезными социальными и политическими катаклизмами. И дело не просто в “досрочном” формировании ГМК (оно неизбежно и необходимо для успеха догоняющего развития), а в слишком сильной несбалансированности этой тенденции с процессом созревания частного мелкого и среднего предпринимательства и отсутствием, в результате этого, современного “среднего класса”. Главная особенность переживаемого Россией момента заключается в том, что мы осуществляем формационный переход от квази-социалистической тупиковой модели к рыночной. Отсюда и специфика переживаемого Россией процесса “первоначального накопления”, т.е. отделения собственности от традиционного собственника и распределения ее через бюрократический аппарат при непосредственном (хотя и незаконном) участии бюрократии в процессе соединения отчужденной собственности с новыми собственниками или владельцами. Происходит, таким образом, зарождение и формирование бюрократического капитала, как основной формы коммерциализации российской экономики.

¹ Кстати, именно стремительное формирование подобной “небоскрежной” модели ГМК в Иране 60-х и 70-х годов также предопределило довольно легкое низвержение вооруженного до зубов шахского режима и триумф “зеленой революции” Хомейни.

Сразу же оговорюсь: я употребляю термин – бюрократический капитализм (БК) не в ругательном смысле, а в чисто научном, политэкономическом смысле. Десятки стран Востока в своем догоняющем развитии с объективной неизбежностью прошли через фазу БК, и некоторые из них (Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Тайвань и др. достигли выдающихся успехов. Поэтому вина наших либералов не в том, что они допустили этот самый БК. Это было неизбежно и началось еще при Горбачеве. Вина их была в том, что своей политикой всеобщей либерализации они невольно способствовали формированию наихудшего, наиболее паразитического варианта БК, олицетворением которого в Азии была сукарновская Индонезия.

Главное различие двух вариантов БК заключалось в характере взаимоотношений между верховной властью и бюрократией. В первом варианте верховная власть жестко контролировала деятельность бюрократии, которая выступала лишь инструментом реализации национальной стратегии развития. Во втором, благодаря слабости и безвольности верховной власти, бюрократия оказывается самым свободным классом, использующим свое государственное положение для “первоначального накопления” и личного бизнеса. Значительная часть наших немногочисленных демократов и либералов, провозглашая лозунги западной демократии, на деле инициировала второй вариант БК. Старая и пополнившая ее ряды новая номенклатура сразу же воспользовалась либерализацией в своих узкокорыстных интересах и начала дележ государственного “пирога”. Большинство руководящих демократов и либералов, боясь опоздать к разделу “пирога”, быстренько вписалось в ряды бюрократических капиталистов, в одночасье становясь директорами коммерческих банков, финансовых корпораций и т.п.

Таким образом, самое главное отличие России от южнокорейского пути формирования бюрократического капитала заключалось в том, что в России этот процесс протекал в основном стихийно, при массивном участии бюрократии, но не в качестве представителя и исполнителя государственной воли (как это имело место в Южной Корее), а как группы частных лиц, использующих свое государственное положение в личных интересах. В России тоже доминировала тенденция формирования монополистических корпораций – ФПГ (финансово-промышленных групп). Но в отличие от Южной Кореи, где *чеболи* создавались и долго финансировались непосредственно самим государством, в России образование олигархических группировок происходило путем “дележа” между новоявленными “предпринимателями” гигантского “пирога” государственного сектора на основе фактического слияния высшего чиновничества с крупным бизнесом, полной безнаказанности коррумпированного чиновничества, непосредственного участия представителей большого бизнеса в политике (вплоть до правительства). В общем и целом,

мы пережили маленькую, но весьма насыщенную эпоху грюндерства (как Германия в 50-70-х годах XIX в.), сопровождавшуюся широкой эмиссией “ценных” бумаг, биржевыми спекуляциями, созданием дутых предприятий и т.п.

Толчком к массовому, практически безграничному формированию бюрократического капитала во всех его проявлениях (частного, госкапиталистического и госмонополистического) послужила весьма своеобразная либерализация. Ее авторы просто не учли, казалось бы, очевидного факта реальной (а не виртуальной) российской жизни: в условиях фактического отсутствия сколько-нибудь значительной предпринимательской прослойки возможностями, предоставленными политикой безграничного либерализма (да еще в его классическом, а не неолиберальном понимании), могли воспользоваться только две социальные группировки. Главная и наиболее массовая из них – это хозяйственная номенклатура, экипированная необходимыми связями и соответствующими ноу-хау. Вспомогательная – представители нелегального бизнеса (“теневики”), обильно взращивавшиеся в период брежневского правления. Вот эти социальные предпосылки вкупе с небольшими группками нового поколения нуворишей и обюрократившихся “демократических интеллигентов” и осуществили “первоначальное накопление” – отделение собственности от государства и последующее перераспределение ее между собой. “Приватизация” десятков тысяч предприятий проводилась без рыночной реструктуризации, с оценкой их по остаточной стоимости и без учета инфляции.

Весь этот процесс носил (в отличие, например, от Таиланда 40-х–50-х годов или Южной Кореи 60-х–80-х годов) довольно хаотический характер, что объективно обусловлено еще одной специфической чертой российского развития – процесс этот происходил в условиях **фактического раскола государственной власти, постоянного противоборства различных ее ветвей, незавершенности институционального строительства**, одним словом, в условиях отсутствия социального и политического консенсуса. Не менее важной особенностью российской действительности является отсутствие консолидированной социально-экономической основы формирующейся новой российской государственности. Дело в том, что социально-экономической основой СССР служил “единый народно-хозяйственный комплекс” (ЕНХК), сформированный в значительной мере искусственно, без учета экономической целесообразности и эффективности и управляемый часто административно-бюрократическими методами. С развалом СССР, устранением центральных институтов административного планирования и управления и переходом к рыночным механизмам менеджмента ЕНХК распался на отдельные, разбросанные по республикам и областям структуры. Сразу обнаружилось отсутствие единого общероссийского рынка. Вот этот основополагающий момент

мы часто упускаем из виду в дискуссиях и рассуждениях о превосходстве рынка над государством в процессе развития, о необходимости минимизировать вмешательство государства в экономику и т.п. Но о каком превосходстве рынка можно говорить в современной России, когда общероссийскому рынку предстоит еще сформироваться?

Более того, сегодня формирование общероссийского рынка сталкивается с еще одним осложнением: нерешенностью вопроса о самой форме (оболочке), в которой зарождается российская государственность. Формально, по Конституции Россия – федерация. Но на деле мы имеем пока странную смесь элементов конституционного федерализма и договорного федерализма. До сих пор не выработано четкого разграничения между полномочиями центра и регионами, и не ясно – куда же идет дело: к подлинному федерализму или к некоей конфедерации¹. В итоге процесс формирования единого общероссийского рынка идет пока стихийно, при минимальном участии (уж не приходится говорить о содействии) правительства. Шесть с лишним лет Правительство и Президент говорили о необходимости реструктурировать общественное производство, о конверсии ВПК, о выборе приоритетов, принимались соответствующие декларации и даже президентские программы, но “воз и ныне там”. А ведь осуществление таких программ и налаживание на этой основе нового разделения труда между реструктурированными фрагментами бывшего ЕНХК как раз и стимулировало бы формирование общероссийского рынка. А пока “паровоз” единого рынка не только не работает, но фактически еще не смонтирован. Все правительства, выражавшие интересы сырьевой и финансово-торговой фракций бюрократического капитала, не предпринимали сколько-нибудь заметных усилий для выполнения этих программ.

Отсутствие консолидированной и сильной государственной власти и общероссийского внутреннего рынка имело своим следствием фрагментарность бюрократического капитала. Острое противоборство различных его фракций фактически и составляло главное содержание внутривнутриполитической борьбы в России 1994-1998 гг. При этом были фракции, стремившиеся выйти на государственно-монополистический уровень, выступали против уже преуспевших в этом других фракций под знаменем борьбы с “монополизмом”, используя для этого контролируе-

---

¹ 30 июля 1999 г. вступил в силу закон “О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ”. В соответствии с законом все договоры между центром и регионами будут утверждаться Советом Федерации, а заключенные ранее должны быть приведены в соответствие с федеральным законодательством. (См. “Известия”, 30 июля 1999 г.). Это шаг в правильном направлении, но, во-первых, на реализацию этого закона отводится 3 года, и, во-вторых, ряд субъектов РФ уже выказывает недовольство по этому поводу (См., например: “Сегодня”, 4 августа 1999 г.).

мые ими структуры исполнительной власти и средства массовой информации. Отсутствие четкой государственной стратегии развития национальной экономики привело к тому, что инициатива перешла к наиболее “богатым” фракциям бюрократического капитала – экспортно-сырьевой и финансово-торговой, которые и предопределили экспортную ориентацию экономики, но в отличие от южнокорейской, она была сырьевого, неколониального типа. Результатом было засилье торгово-финансового капитала, основывавшего свою спекулятивную деятельность на импортных льготах и беспрецедентной свободе “банковской” деятельности. В начале 1996 г. в стране насчитывалось 2580 коммерческих банков (КБ). Но большинство этих банков занималось “прокручиванием денег”, обменом валюты и тому подобной деятельностью, обманывая государство и, с его молчаливого согласия, откровенно грабя население, пользуясь его финансовой безграмотностью и безмерным доверием к “официальным” финансовым учреждениям и их рекламе на государственном телевидении и в прессе. Даже финансирование госсектора и бюджетных организаций стало осуществляться через систему уполномоченных коммерческих банков (этот статус на начало 1996 г. имели 50 коммерческих банков¹). Задержки с выплатой зарплаты и пенсий, отказы предприятиям в долгосрочных кредитах и т.п. стали привычным и обыденным явлением.

Все эти годы происходило стремительное размывание индустриальной базы страны. Иллюзии относительно легкого и быстрого зарождения самостоятельного класса собственников развеялись весьма быстро. Даже те не столь многочисленные частные предприниматели, которые начали было утверждаться сначала через кооперативы и аренду еще в горбачевские времена и затем трансформировались в обычных бизнесменов, были, в конечном счете, **маргинализированы**. Все попытки этого предпринимательского слоя консолидировать свои ряды и политически организовать встречали жесткое сопротивление со стороны альянса высшего чиновничества и бюрократической буржуазии. Когда, например, известный (в том числе независимостью своих суждений и поступков) предприниматель Иван Кивелиди и созданный им “Круглый стол бизнеса России” стали пользоваться серьезным авторитетом, то дело окончилось организованным убийством Кивелиди, после чего наметился спад возглавлявшегося им движения.

Вопреки многочисленным клятвенным заверениям и торжественным декларациям правительства о поддержке частного предпринимательства, оно фактически ничего не делало в этом направлении и не обеспечивало даже самых общих условий для функционирования самостоятельного частного бизнеса. В этом отношении весьма характерны данные опросов среди 3600 фирм в 69 странах, приводимые в “Докладе о

¹ “Финансовые известия”, 23 февраля 1996 г.

мировом развитии. 1997” МБРР. Более 75% бизнесменов в СНГ жаловались на непредсказуемость политики правительства и его законодательных уложений (первое место среди других районов мира), более 65% – на нестабильность правительства (примерно на уровне Тропической Африки), без малого 80% были недовольны своим ненадежным правовым положением (здесь мы опять держим первенство), примерно 88% опасались за свою собственность (здесь пальму первенства уступили только Латинской Америке) и около 65% высказали претензии по поводу коррупции (тут мы далеко обошли все регионы, включая Азию и Тропическую Африку). Кроме того, 52% опрошенных компаний в СНГ сообщили, что они тратят более 15% своего времени на выяснение отношений с официальными властями по поводу налогов, правил ведения бизнеса и т.п. Это намного больше, чем во всех остальных группах развивающихся стран и более чем в 5 раз превышает соответствующий показатель по высокоразвитым государствам¹.

Описанная картина нашла свое подтверждение и в ходе 3-го съезда Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий, состоявшегося в Москве в апреле 1998 г. В открытом письме к президенту, правительству и общественности России руководители ассоциации, в частности, отмечали: “В настоящее время в стране созданы условия, при которых нормальная работа предприятий невозможна”. Тотальные неплатежи, непосильное налоговое бремя, неустойчивый курс правительства и твердолобость парламентской оппозиции – вот те факторы, которые, по их мнению, ставят частное предпринимательство в России на грань полного уничтожения. В ходе заседаний промышленники пришли к выводу: сегодня самый ненадежный партнер частного предприятия – государство, и в этом причина расцвета теневой экономики². Реагируя на негативизм государства, частный бизнес уходит “в тень” или “утекает” за границу. По официальным оценкам, до 40% частного бизнеса никак не контролируется государством. (По другим данным, только 17% предпринимателей регулярно и в срок платят налоги, 50% платят время от времени и 33% вообще не платят.) Только в Швейцарии хранится в банках до 40 млрд долл. незаконно переправленных из России или оставленных там³.

Не лучше, если не хуже обстоит дело с малым бизнесом, который российские либералы хотели сделать главной социальной опорой новой власти. На деле, после первоначального оживления дело застопорилось и в этой сфере. Начиная с 1994 г. количество малых предприятий стало сокращаться (даже с учетом тех, кто действует в рамках “черного” и “серого” рынков), и на данный момент составляет примерно 850 тыс.

¹ “World Development Report. 1997. The State in a changing World”, WB, Oxford University Press, Wash., pp. 35, 42.

² “Известия”, 22 апреля 1998 г.; “Московский комсомолец”, 23 апреля 1998 г.

³ “Независимая газета”, 11 апреля 1998 г.

(6 млн человек, или чуть меньше 10% трудоспособного населения). В развитых странах, на которых мы стремимся равняться, доля работающих в малых и средних предприятиях колеблется от 46% (Германия) до 78% (Япония) в общей численности занятых¹. 14 мая 1998 г. правительство утвердило программу поддержки малого предпринимательства на 1998-1999 гг. В рамках этой программы правительство выделило 100 млн руб. Цифра смехотворная, но ведь и предыдущая программа была реализована на четверть. Планируется довести количество малых предприятий до 900-950 тыс.² Дело, однако, не просто в финансировании. Президент Российской ассоциации развития малого бизнеса А.Иоффе в интервью газете "Век" справедливо заметил: "Ни одно малое предприятие Российской Федерации не может жить честно. Если оно будет выполнять все законы, значит оно не жилец"³. Это означает, что государство бросило малое предпринимательство на произвол муниципальных властей, мафиозных группировок (забирающих в среднем, по неофициальным оценкам сотрудников Программы ЕБРР для малого бизнеса в России, до 15-20% прибыли) и правоохранительных органов. Примерный перечень учреждений, которые кормятся вокруг малого бизнеса, следующий: таможня, транспорт, управление по экономическим преступлениям, налоговые органы, правоохранительные органы, госторгинспекция, Московская (соответственно С.-Петербургская и т.п.) торгинспекция, санэпидемстанция, пожарное управление, административно-техническая инспекция. Некоторые ученые и специалисты полагают, что у малого бизнеса в России просто нет перспективы.

Все сказанное выше наглядно демонстрирует тот факт, что в России отсутствует экономическая демократия, которая одна только и может быть основой возникновения подлинной политической демократии. При всех жалобах на чрезмерную опеку *чеболей* в Южной Корее, правительства этой страны все же содействовали возникновению необходимого минимума "среднего класса", упорная борьба которого и обеспечила демократизацию страны и устранение военного режима. Наши ростки "среднего класса" слишком чахлы и придавлены, чтобы осмелиться на серьезную борьбу за свои права. С точки зрения характера социально-экономических процессов мы до сих пор все еще пребывали на этапе собственно "первоначального накопления". Вместе с тем, наш научно-технический потенциал все еще велик, и у нас есть "задел" для информационно-технологического прорыва. Если политические условия экономического развития в ближайшем будущем существенно улучшатся, то прорыв этот может стать реальностью.

¹ "Финансовые известия", 9 апреля 1998 г.; "Век", № 15, 10-16 апреля 1998 г.

² "Известия", 15 мая 1998 г.; "Русский телеграф", 16 мая 1998 г.

³ "Век", № 15, 10-16 апреля 1998 г.